

Проза

Сергей
ОВЧИННИКОВ

Тульская область

Сергей Михайлович Овчинников. Родился в 1963 году. Врач, член Союза российских писателей, автор шести книг прозы. С 2001 года издатель, главный редактор литературного альманаха «Тула». Живет в Тульской области, городе Шекино.

БАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ

Теплым июльским вечером на сыром асфальте в Москве блестели отсветами рекламы большие лужи. Савин сидел под навесом за уличным столиком небольшого кафе, делая записи в лежащем на столе ноутбуке. Старался раствориться в пространстве, впитывал происходящее, улавливал обрывки речи шагающих мимо людей. Работая над очерком для газеты, Савин сравнивал Москву с кастрюлей ухи, в которой варится человечина. «В больших городах многие люди похожи на рыб, – писал он, – так же скользки и увертливы, всё время хотят нырнуть в тину анонимности...» Сравнение показалось ему избитым, он стер написанное. «Москва, как Вавилонская башня, где смешиваются народы и языки...» Нет, и это не годится... Савину многое приходилось стирать в результате самоцензуры. Медленно продвигаясь, он рассуждал в очерке о «гогах и магогах» – азербайджанцах, дагестанцах, чеченцах, узбеках, – которые с 1990-х потоком хлынули в Москву, стремительно меняя ее лицо. «Этнический сдвиг в столице, – выстукивал на клавиатуре Савин, – началась при первом столичном мэре. При нём отменили институт прописки, московские чиновники стали зарабатывать на взятках от южных диаспор...» Савину виделся в этом не только денежный интерес. Он думал, что некие силы хотят сделать славян этническим меньшинством в собственной столице, южане казались им более управляемыми, они легче укладывались в социальный порядок нового общества, которое в России стремительно разделялось на касты. «В России не изжито кастовое сознание, но любое разделение внутри себя вредно для страны и народа. «Дом, разделившийся в себе, не устоит», – сказано в Библии. Гражданское общество России кровно заинтересовано в социальном балансе...», – торопливо печатал Савин.

Несколько минут спустя он прикрыл компьютер, откинулся на стуле, отпил из чашки остывающий кофе. Он вовсе не считал южан своими врагами, здесь был отсвет планетарных противоречий глобального Севера и Юга. Узбекистан и Таджикистан накрыло демографическим взрывом, как и большинство других теплых стран. Приехать в Россию – было единственным шансом более-менее нормально жить для многих узбеков, чеченцев, дагестанцев. Но при этом сакральная, «поднебесная» для славян Москва переставала быть русским городом, она, при всем своем внешнем лоске, превращалась в «Москвбад». А ведь от образа столицы зависит самочувствие и духовное здоровье народа. «Москве, да и вообще Европе, перелили чересчур много чужой крови», – открыв компьютер, допечатал в статью Савин, поглядывая, как ветер гонит по асфальту брошенный кем-то мусор. Целлофановые пакеты иногда надувались и взлетали в воздух, чтобы через секунду ткнуться в бордюр. Некоторые мысли публиковать было невозможно, – Савин прекрасно знал о принятых недавно ограничениях, да ему и самому не хотелось становиться причиной межнациональной вражды и ненависти.

Устав от самоцензуры, Савин еще раз посмотрел на улицу. Напротив кафе, где он расположился, светились стеклянные этажи громадного универмага, набитого электроникой. Две иномарки, не поделив дороги, мигали аварийной сигнализацией. С ревом сирены подкатила дорожная полиция. Молодой офицер, измерив следы торможения, стал заполнять на смятом капоте одной из машин протокол аварии. Телефон Савина мелодично звякнул, высветилось короткое сообщение Алины: «Встречай во Внуково в 23 часа». Это вырвало Савина из оцепенения. Он убрал компьютер в сумку, оплатил кофе, направился к дому-башне, стоящему в глубине квартала. Вошел в гулкий подъезд с чередой детских колясок, стоящих у входной двери. Разъехались створки лифта, стены которого были тут и там расплавлены сигаретами, исчерканы английскими и русскими матерными словами, символикой футбольных команд.

Поднявшись в свою крошечную студию, расположенную в мансарде, Савин взял ключи от машины, вынул из вазы букет для Алины, спустился на улицу, и выехал в аэропорт.

Алина с разбегу метнулась в его объятия, будто они вечность не виделись. Савина всегда восхищали её сильные чувства, хотя он понимал, что так могут радоваться люди только в детстве и молодости, когда все эмоции напряжены до предела. Савин, в свои сорок лет, был гораздо сдержаннее. Помимо прочего ему мешала ревность. Савин предполагал, что скоро разница в возрасте начнет сказываться, не сможет молодая женщина с таким темпераментом, как у Алины, долго быть верной. Выдохнутый Алиной при поцелуе воздух был наполнен ароматом здоровья и молодости, от её близости у Савина кружилась голова. Он уже несколько раз предлагал Алине выйти за него, но девчонка отказывалась переезжать в Москву, а ему было тесно в Симферополе и Севастополе, при всей его любви к Крыму. При этом Алина и Савин часто виделись, она ездила в московские командировки от крупной симферопольской газеты, куда Савин помог ей устроиться. Он, в ответ, навещал её в Севастополе, редактировал её статьи, очерки, дарил ей темы, мысли, подсказывал первоисточники материалов. Алина понемногу превращалась в известного крымско-украинского журналиста.

Когда Алина прилетала, три дня они вначале отдавали Москве – музеям, паркам, литературным встречам. Летом – пляжам в Серебряном Бору, катанью на речном трамвайчике. Её прошлый приезд был связан с Аннинским. Последний шестидесятник, человек удивительной свободы мысли, порой демонстративно презирающий денежные и властные резоны, стоял наособицу в мире литературоведческой мысли начала нового тысячелетия. Он, будто йог, удерживался на голове в кровавом, гниющем, иной раз омерзительном мире, сохраняя при этом душевную чистоту и комфортное равновесие. Савин верил: мир и продлевается Богом потому, что в нем есть такие люди как Аннинский, помимо Карabasов-Барabasов, превращающих жизнь в жестокий театр кукол: «Никакой жалости! Цыпленок должен быть изжарен! Полезай в очаг!»

– Аннинский, – говорил Алине Савин, – эдакий веселый Буратино, из любопытства сующий нос в картонный очаг мировой политики, философии, протыкающий в нарисованном очаге спасительную дыру... Оттуда сразу тянет свежим воздухом. Этим он мне напоминает Розанова...

Савин и Алина ездили на встречу с Аннинским в толстовский литературный музей на Пречистенке. Гости вечера то и дело отвлекались на посторонние темы – например, был ли Пушкин эфиопом, или он потомок другого Ганнибала из Ревеля? Каким образом сказалось на политике России масонство Павла I? Аннинский не давал «растекаться мыслью по древу», возвращал всех к главным вопросам, которые его интересовали: что с нами происходит сейчас, почему мы такие злые? Как человечеству удержаться в XXI веке от больших войн, которые несколько раз терзали нас в веке XX-м?

Савин тоже выступал на этом вечере, говорил, что удержаться от скорой войны вряд ли получится, новые технологии контроля над сознанием через интернет и телевизор делают людей предельно управляемыми. Кукловоды обязательно спровоцируют локальные войны в Евразии, даже и с участием ядерных стран, но без применения ядерного оружия – в новых условиях глубинного контроля над правительствами отдельных стран, боеголовки перестанут быть сдерживающим фактором. Савин рассказывал, как давно разрабатываются методики военных действий посредством лабораторно синтезированных вирусов, имея в виду «атипичную пневмонию», «свиной», «птичий» грипп. Он говорил, что кто-то уже несколько раз пытался спровоцировать планетарную пандемию. Если у них получится – последствия для всего мира будут грандиозными.

Спустя два часа «мозгового штурма действительности» Савин и Алина провожали Аннинского до метро, говорили о Розанове.

– Он был очень эмоционален, почти как женщина, – замечал Савин. – Но женской интуицией, совмещенной с мужским умом, он прозревал то, до чего не могли додуматься другие. В его сумятице мыслей есть удивительные озарения, словно выхваченные из нашего времени.

– Мужское начало само по себе не всегда плодотворно, – соглашался Аннинский, – мужчины – завоеватели. Они не могут рожать, а творчество – это акт рождения.

– И даже в подчеркнуто мужских стихах Пушкина, Лермонтова есть женское начало, – добавил Савин. – Я нашел в письмах Пушкина его свидетельство, что у него каждый месяц были приступы необъяснимой хандры, как у женщин в известных обстоятельствах.

– А что такое эссе, Лев Александрович? – перебила мужчин Алина, которая всегда думала о своем. – В чем разница между очерком и эссе?

– Когда нет структуры, архитектуры вещи, это – и есть эссе, – пояснял Аннинский. – В переводе с французского это «проба», «попытка». Не нужно увлекаться именно этим, старайтесь хоть как-то оформить текст.

– Я недавно видела вас в фильме «Подкидьш», – меняла тему Алина. – Кто бы мог подумать, что из такого смешного мальчика получится большой философ.

– До философии мне тогда было далеко, – улыбнулся Аннинский. – В фильме я хотел стать пограничной собакой. И к старости я стал ею! Я охраняю границу между мирами евреев и русских. По матери я – еврей, а по отцу – русский. Не хочу, чтобы наши миры ссорились. У каждого своя правда, но мне хочется, чтобы эти правды не кровянили друг друга. Иногда они все же сшибаются, и тогда задача людей культуры – извлечь из этих столкновений смысл. Чтобы столкновение идей вылилось не в погромы, не в фонтаны крови из простреленных голов, а в книги. Мне кажется, на планете есть всего три мессианских народа: евреи, немцы и русские. В конце двадцатого века мне показалось, что русские не выдержали своего мессианства, кишка оказалась тонка. Считал, что Россия превратилась в обычное государство, где люди думают, как и положено, о марке своей машины, об отпуске и евроремонте. Может для народа это было бы и неплохо – можно спокойно растить детей, путешествовать, а имперские и вселенские задачи пусть, надрывая себе пупы, решают другие... Но я ошибся! В случае с Украиной русским снова придется пойти против всего мира, против немецкого имперского проекта – Евросоюза. Немцы совсем недавно, при Гитлере, пытались объединить народы Европы военными методами – и потерпели страшное поражение. Теперь они пытаются действовать через экономику! Могли бы спокойно жить в своей заново объединенной Германии, но дух экспансии в них не убывает. Евросоюз снова шагает на Восток новым «Драг нах Остен», и, скорее всего, это движение на восток опять упрется в Россию, как пятьдесят лет назад! Но на чьей стороне окажется Украина? Ориентация только на Европу может привести Украину к катастрофе!

– А англосаксы? Разве не мессианский народ? – удивлялся Савин. – Они ведь тоже строят мировую империю, в которую Евросоюз входит как составная часть!

– В новой большой империи заправляют не англосаксы, – сказал Аннинский, прощаясь, стремительно исчезая в норе метрополитена.

Алина и Савин остались тогда на Новом Арбате, среди ярких огней и музыки, доносящейся из светящихся ресторанов. Дома-книги разворачивали свои гигантские страницы, мимо неслось стадо лакированных машин, слегка моросил дождь, но Савину казалось, что город ласково обступает его. Савин любил Москву – это был его город, его народ, его время, – и оттого Савина переполняло чувство любви и ответственности.

Но дождей и сутолоки в Москве было с избытком даже летом, поэтому, отдав столице должные три дня, Савин и Алина уезжали куда-нибудь на выходные. Когда в России было холодно – чартером в Шарм-эль-Шейх, Иерусалим, Лимасол или Алагию. Если же погода казалась сносной, предпочитали уединение где-нибудь в Подмоскowie. Савину почему-то именно в отелях неплохо работалось, тем более рядом с Алиной. В том июле, – кажется, это был 2012 год, – они направились в Тулу, чтобы заодно навестить престарелых родителей Савина. Пробежав насквозь Тульский кремль, посетив усадьбу Толстого, устроились в гостинице Ясной Поляны. Находилась она среди зелени тульских засек, во дворе там имелся приличный ресторанчик. Пообедав, расположились на балконе – Алина изучала английский язык, заставляя Савина тоже говорить на нём, он же сопротивлялся, намеренно коверкая иностранные слова.

– Хватить дурить! – возмущалась Алина, раскладывая дорожный шезлонг. – Ты сейчас портишь мне лингвистическое подосознание!

– Мне свой язык освоить бы! – парировал Савин. – Происходящее сейчас с нашим языком – варварство, преступление! Англицизмы сметают все на своем пути!

– Ты почему такой злой? – спросила Алина. – Что плохого в том, что люди будут лучше понимать друг друга, говоря на одном языке?

– А я хочу говорить на своем языке! – горячился Савин. – И тут я не буду добреньким! И вообще, литература не связана с хорошим характером! Обывательски приличный человек редко бывает литературно талантливым!

– Ну, тогда ты настоящий талантище, матерый человечище, – усмехнулась Алина, вспоминая знаменитое выражение, располагаясь в шезлонге, едва прикрытая купальником, – она и трех дней не могла выдержать без солнца.

Савин косился на ровный загар её грациозных рук, по-детски вздернутый нос, на выпуклости ее худенького тела, чувствуя подступающее желание. Ему хотелось поработать с текстом, но красота Алины победила, и он утянул девчонку в номер. Она было вырывалась, потом долго шумела водой в душе, он устал ждать, принёс её на постель мокрую, с каплями воды на волосах и коже.

– Ты мне изменяешь в Севастополе? – спросил осторожно Савин.

– Не превращайся в ревнивого старикана! – вспыхнула Алина. – Ревность проистекает из чувства собственности, это женщину унижает! Мы с тобой свободные люди!

– Вот брошу тебя, – сказал Савин, – и тогда ты станешь абсолютно свободной!

– Не надо меня бросать, – навалилась на него сверху Алина. – Мы так не договаривались! Ты обещал любить меня вечно!

– Когда я обещал? – удивился Савин.

– У тебя проблемы с памятью? Ты начал забывать? – пролепетала Алина, проваливаясь в мимолетный сон.

Савин ушел работать на балкон, в такие дни его накрывали всполохи даже не журналистского, а литературного вдохновения.

Обычно лишь к осени у него появлялось измененное сознание, в котором он мог писать художественное. В обычном состоянии он воспринимал мир аналитически, газетным языком рассуждал о нелогичности русской души, русском презрении к материальному, о парадоксах русской истории: «То, что кажется с запада дикостью, на самом деле иногда есть наш способ приспособиться к тому кошмару, которым, иной раз, бывает русская погода, русское пространство, русская официальная идеология, – писал он тогда. – Нашу жизнь, порой, можно выдержать, только уйдя в запой. Или хотя бы в лес, на рыбалку, во внутреннюю эмиграцию. Многие русские – внутренние эмигранты. Мы прячемся в алкоголь, путешествия, как в кроличью нору, выстраивая себе спасительное зазеркалье...»

Но сейчас перед ним была заказанная солидным еженедельником статья о положении дел на Украине. К тому году события, происходящие там, стали важной темой общественной мысли России. Украина выламывалась из русского мира, порывала с ним, до поры связанная с ним тысячами невидимых нитей. И потому это разрыв отдавал болью. В том году в Верховную Раду Украины влилась партия Виталия Кличко и несколько партий националистов. Резко выросло количество антироссийских протестов. Когда власти Украины попытались присоединить страну к таможенному союзу России, Казахстана и Беларуси, на улицах Киева появились пикеты прозападной молодежи, а Брюссель поспешно назначил дату саммита по интеграции Украина-ЕС. Янукович давно придерживался политики «многовекторности», но теперь его попытки усидеть на двух стульях казались всё менее удачными. Он хотел провести референдум по русскому языку, но местные политологи заявили, что это угрожает целостности Украины. «Интересно, – писал Савин, – неужели российские танки на улицах украинских городов будут угрожать этой целостности меньше? Неужели нельзя проявить хотя бы дежурное уважение к соседней стране, от которой получаешь газ, нефть и сотни наименований товаров?» Янукович активно рубил сук, на котором сидел – это с его согласия проект «Соглашения об ассоциации Украина-ЕС» готовился с 2010 года. Янукович много раз говорил, что приоритет украинской внешней политики – интеграция Украины в Европу. «...Янукович и вся украинская власть ментально уже в Европе, они считают, что будущего с Россией у Украины нет...», потому что «...российская политика и российская олигархия настолько жесткие и мощные, что раздавят и Януковича, и олигархические кланы вокруг него...», – рассуждали украинские аналитики. «Евро-интеграция Януковича – его способ заигрывать с прозападной молодежью в преддверии парламентских выборов и метод давления на Россию в газовых вопросах, плюс помощь украинским олигархам в выходе на европейские рынки. Это не преступление, я никого не сужу – это ошибка. Для олигархов главное – деньги. Когда им станет выгодно, они первые предадут Януковича и украинский народ...», – торопливо печатал Савин.

Алина, возникшая сзади, посмотрела на экран компьютера через плечо Савина и сказала, что ничего нет плохого в том, что Украина станет ближе к Европе:

– Украина окажется мостом для России в ЕС!

Эти мысли Алины внушали Савину опасения, ему вообще не хотелось, чтобы его девочка втягивалась в политику. Он предлагал ей писать на другие темы – например, жизнь украинца в России, наши различия в психологии, украинские мотивы в творчестве русских литературных классиков...

На следующий день они навестили родителей Савина, живущих в районном городке возле Тулы, и им разрешили пожить на отцовской даче. Стояла прекрасная погода, машина Савина бодро летела к небольшой деревеньке и отцовскому домику, с прилегающим к нему банькой, огородом. Алина выключала автомобильный кондиционер, высовы-

валась в окно, все быстро летело ей навстречу. Стремительно менялись виды, облака то и дело закрывали солнце своим светящимся краем.

Отцовский домик Алина тут же прибрала, постелила на старенькую кровать чистое белье. После бани сидели на веранде, пили чай, над кипятком в стаканах уютно вился пар, Алина читала вслух только что написанное ею. Савин позволял ей идейную автономность, стараясь вникнуть в детали ее логики. Он хотел, чтобы в ее текстах оказались не только довольно незрелые рассуждения, но и облака, цветы, горящие свечи, книги, ветер, развевающиеся занавески их домика...

Ночью дом наполняла звучная нежность Алины, – она не молчала, когда раскидывала на простыни руки, выгибала худенькое тельце, запрокидывала голову, отстраняя от Савина свое лицо с выражением счастливого страдания. Савин почему-то грустил, думал, что скоро это счастье закончится, у него было отчетливое чувство этого.

Под утро, когда уходящую ночь принялись отпевать соседские петухи, Савин проснулся в тревоге. Заварил крепкий кофе, ушел на веранду, сосредоточился на работе, чтобы после, когда Алина проснется, полностью отдаться летнему утру, солнцу, запаху разнотравья. От их домика на отшибе открывались пасторальные виды с изгибами бирюзового ландшафта, усыпанного деревьями и кустами. Липовые вертолетики, вращаясь, падали на его письменный стол и компьютер. Соседская кошка осторожно подошла к его ногам...

Утром Алина, собрав садовую землянику, поставила туюсок на стол, сметя оттуда свои книги. Теперь она изучала индийскую философию – веданту.

– В Индии есть сотни племен, которые исповедуют многобожие, как в античном мире, – будто продолжая давний разговор, сказала Алина. – По их мнению, боги – это смертные существа, и выдающиеся люди могут стать такими же богами. Как тебе это: «Станьте, как боги»... Похоже, это вечное стремление человечества.

– Не стремление, а искушение, – подумав, ответил Савин. – В этом и была суть грехопадения Адама и Евы. Не забивай себе голову чужой философией. В нашем нравственном кодексе есть прекрасная истина: все духовные законы включены в любовь и проистекают из любви. Наш внутренний закон – любовь. А внешний – красота. Если в человеке нет любви к Богу и людям, значит, – он живет неправильно...

– Зло тоже бывает красивым, – заспорила Алина, её свежие губы при этом вздрогнули от волнения. – Ты говоришь так, будто знаешь правду... Но абсолютная истина закрыта от человека!

Савин удивленно покачал головой, от взгляда на Алину у него на сетчатке оставалось яркое пятно, как после взгляда на солнце. Он отвел глаза, посмотрел, как сверкает серебряная струя, бьющая из поливального шланга, вновь погрузился в работу. Когда его способность внятно складывать слова иссякла, они с Алиной пошли прогуляться к речке, которая вилась здесь в лугах, холодная и прозрачная от обилия родников. Савин вооружился подводным ружьем и сбруей для подводного плавания, стал нырять, через несколько минут принес небольшую щучку...

А на следующий день, положив в багажник металлоискатель, они поехали к старой деревне Захаровке, расположенной неподалеку, чтобы искать кусочки бронзы и меди, которые сохранились в толстом слое многовековой нажиги. Запищал металлоискатель, звенели в траве кузнечики, Савин работал острой лопатой, коровы ходили вокруг, вышлепывая лепешки навоза. Дойдя до источника звука, Савин обнаружил кованый гвоздь, подкову и зеленую монету с почти стершейся поверхностью. Судя по ней деревне было не менее 700 лет. Эти предметы, как ему казалось, сохранили энергетику давно умерших людей. Савин представил жизнь людей здесь в 14 веке: дорогу, которая вилась здесь возле реки, избы и клетки, коров на пастбище. Мысли рушились на него водопадом. Алина бродила рядом и, устав находиться на солнце, попросилась домой.

Вечером за деревьями тускнела полоса июльского заката, ночью с всполохами и грохотом над ними проносились гроза, лупил дождь по железу крыши, шипела на гром прижившаяся соседская кошка. Утром возле крыльца встречала всех свежесть немного примятой ливнем зелени, промытый воздух, который был как нарзан для привычных к бензиновым выхлопам горожан. На слегка приподнятых листьях капусты и кабачков сверкали мириады дождевых капель. От обилия влаги множились комары, Алине приходилось пугать их, почесываясь и размахивая руками. Днем комары исчезали, можно было спокойно внимать откровениям летних далей, испытывая счастье возни со словом. Весенняя свежесть Алины заставляла Савина обнимать и целовать её при каждом удобном случае.

– Хватит уже, – смеялась она, – ты меня замучил!

При всем этом Савин продолжал думать о старости и смерти. «Мир в молодости расширяется, как вселенная, после большого взрыва рождения, – записывал он в компьютере, – а затем, ближе к пятидесяти, начинается сужаться. Схлопывание человеческого мира, смерть – переход в другое состояние. Недаром говорят, что каждый человек – это маленькая вселенная, которая при схлопывании, по мнению физиков, тоже перейдет в новое состояние. Мы воспринимаем мир шестью органами чувств, а то, что будет происходить при схлопывании, выходит за их рамки, потому мы и не можем это представить...»

– Ты веришь, что мы увидимся после смерти? – спросил он Алину, поднимая голову от компьютера.

– Верю, иначе все было бы слишком страшно, – ответила она, поправляя ленточку лифчика на своем плече.

– Нужно торопиться жить, – говорил Савин, – время пройдет быстро. Давай все же поженимся. Я хочу ребенка...

– Чуть позже, – стала отнекиваться Алина. – Я ужасно боюсь что-то менять. Боюсь потерять наше счастье. Насмотрелась на семейную жизнь подружек. Два года после свадьбы, – а как они уже ненавидят друг друга! Сильнее, чем любили! А всё потому, что никуда друг от друга не деться. Мне никто не нужен кроме тебя, но, если распишемся, боюсь, это убьет нашу любовь. Я не хочу получить печать в паспорте вместо любви...

– Дурочка ты маленькая, – пожал плечами Савин. – Хорошо, я подожду еще немного. Но у меня не так много времени...

В последний их день на тульской земле он повез её в знакомый монастырь, расположенный возле Богородицка в селе Папоротки, – в Казанском храме был престольный праздник. Савину нравились деревенский дух этого монастыря, синий цвет его крыш и красная охра стен. Одну из тамошних монахинь он знал ещё в миру, и она теперь узнала его. Было что-то родственное, трогательное в этом узнавании... И ещё там было два знакомых священника – один молодой и веселый, а второй – уже грустный от старости и болезней. Этот, второй, священник иногда вдруг говорил среди проповеди, что ему скоро умирать, – он, наверное, приехавших издалека никогда больше не увидит, и потому он просит прощения.

Глядя на него, вставшего перед людьми на колени, на причащение деревенских, простых и хороших людей, Савин волновался от чувства близости к ним. Чтобы успокоиться, он вышел на прилегающие к монастырю сельские улочки, утопающие в зарослях мальвы и бузины.

Затем начался крестный ход: впереди шли мужчины-хоругвеносцы во главе с батюшкой, позади – сельские женщины в грубых, почти армейских башмаках. Савин смотрел на эти башмаки, обходящие лужи на сельской дороге, на стадо гусей, гадающее у обочины, на детей, бегущих рядом со священником. Тот кропил их из чаши – дети, визжали от радости, бросались врассыпную. Процессия спускалась к источнику, который пульсировал внизу в деревянном срубе – чтобы набрать воды,

нужно было опуститься на колени. Священник читал освятительные молитвы, погружал в воду крест, а затем поливал всех широкими взмахами руки. Всякий раз, когда струи родниковой воды серебряным веером летели на обступающих священника людей, женщины вздыхали и охали. Старушки при этом лепетали совсем по-детски:

– Вот сами не хотим кунаться, потому нас батюшка поливат!

После крестного хода все шли назад за монастырскими пирогами. На столике возле храма кипел самовар, вереницей стояли кувшины с компотом из монастырской смородины. Савин и Алина съели по куску пирога, возвратились окунуться в ледяную воду монастырской купальни. Савин опускался в воду с головой, перекрестившись во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, слыша, как за стеной поют тропари купающиеся женщины.

После хорошо и прохладно было ехать по огромной России, глядя на заросшие сорняком и молодым лесом поля, которые, думал Савин, выкормят ещё не одно поколение русаков – особенных людей, которые иногда ошибаются, проигрывают, ожесточаются, но всегда затем поднимаются. И впереди ему виделось поле, не Куликовское, скорее похожее на Косово поле у сербов, и Савин все не мог различить – поражение там будет или победа.

– Главное для нас, пишущих, – сказал он вслух больше для себя, чем для Алины, – сохранить живыми душу, язык народа. Остальное вторично!

– Это и моей Украины касается, – согласилась Алина. – Самое гиблое, если начнут воевать Россия и Украина. Я, наверное, тогда просто умру! Я ведь люблю и русских, и украинцев!

Стонали шины на асфальте шершавой дороги, Савин и Алина мчались в Москву, а тульская область все никак не кончалась. От обширности одной только области России захватывало дух.

– Душа нашего народа болеет сейчас, – сказал Савин. – Мне снятся страшные сны...

Вскоре Савин обнимал Алину в суতোлке аэропорта, она плакала, прощаясь, он тоже не хотел её отпускать, но ничего поделать было нельзя. Вечером, находясь в одиночестве в своей московской мансарде, Савин иногда глядел на подсохший букетик полевых цветов, собранный Алиной, чувствуя его тонкий угасающий запах.

2012. 2022.

Ясная Поляна, Захаровка, Папоротки, Москва